

Annals of the
American Republics

- [Анатоль Франс.](#)

- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

[Другие книги серии «Рассказы Жака Турнеброша»](#)

Приятного чтения!

Анатоль Франс.

Чудо, сотворенное сорокой

В лето от рожества Христова 1429, великим постом, календарь явил необыкновенное чудо, редкостное совпадение, поразившее всех верующих и даже ученых и опытных в числословии священнослужителей, ибо астрономия, мать календаря, была в то время еще христианской. В год 1429 страстная пятница прилась на благовещение, так что один и тот же день, дивно воссоединив Иисуса, зачатого во чреве пресвятой девы, с Иисусом, принявшим крестную муку, оказался днем празднования сразу двух таинств, из коих одним началось, а другим завершилось искупление рода человеческого. Сия пятница, в которую таинство радостное столь точно совпало с таинством горестным, была названа «великой» и торжественно праздновалась в храме Благовещения на Монт-Анис. Этой старинной церкви папы издавна даровали право полного отпущения грехов в престольный праздник, а покойный Эли де Лестранж, епископ города Пюи, исхлопотал у папы Мартина подтверждение этой исконной привилегии, ибо такое право есть милость, которую папы охотно оказывают, когда их просят о ней достоподобным образом.

Отпущение грехов в великую пятницу привлекло в Пюи-ан-Веле множество паломников и торговцев. Еще с середины февраля, в дождь, холод и ветер, из отдаленнейших областей в Пюи-ан-Веле потянулись богомольцы. Большинство их шло пешком, опираясь на страннический посох. По мере возможности они старались двигаться все вместе, толпами, чтобы не чересчур страдать от грабежа и вымогательства со стороны разбойников, хозяйничавших на дорогах, и местных сеньоров, которые взимали с путников непомерные пошлины за проход через свои владения. А так как наиболее опасный путь пролегал через горы, то паломники скапливались в окрестных городах – Клермоне, Иссуаре, Бриуде, Лионе, Исенжо, Але – и уж затем, когда набиралось много попутчиков, снова пускались в дорогу по занесенной снегом местности. Всю страстную неделю их шумные скопища наводняли крутые улицы Пюи: торговцы с лангедокских, прованских и каталонских ярмарок вели мулов, нагруженных кожами, маслом, шерстью, тканями и испанскими винами в козьих бурдюках; сеньоры скакали верхом, дамы следовали в каретах; ремесленники и богатые горожане ехали на мулах, посадив к ним на круп позади себя жен и дочек; за ними, с посохом в руке и котомкой за спиной, брели богомольцы из бедных, ковыляя, прихрамывая и отдуваясь на крутых

подъемах, а затем тянулись стада быков и баранов, которых гнали на убой.

В один из этих дней, прислонясь к стене епископского подворья, некий Флоран Гильом, длинный, иссохший и черный, как виноградная лоза зимой, пожирал глазами пилигримов и стада.

– Гляди-ка, – сказал он кружевнице Маргарите, – гляди, до чего жирна скотина!

На что Маргарита, согнувшаяся над своими коклюшками, ответила ему:

– И впрямь здоровая да гладкая.

Им обоим никогда не доставалось много благ житейских, а теперь и вовсе приходилось голодать. И ходила молва, что во всем повинны они сами. Как раз в эту минуту, указывая на них пальцем с порога своей лавки, Пьер Гранманж, торговец требухой, громко говорил:

– Грех быть милосердным к таким вот негодяем!

Этот торговец требухой хотя и не отказывал нищим в подаяния, однако боялся погубить свою душу, благотворя грешникам, и все добрые горожане Пюи разделяли его опасения. Справедливости ради заметим, что в расцвете своей юности, давно, впрочем, увядшей, кружевница Маргарита не затмевала, конечно, святую Люцию целомудрием, святую Агату стойкостью и святую Екатерину благоразумием. Что до Флорана Гильома, то раньше он был первым писцом во всем городе. Долгое время никто не умел лучше него переписывать молитвы к божьей матери Пюисской. Но он чересчур любил попить и повеселиться. Мало-помалу рука его утратила твердость, а зрение остроту, и он уже не мог также четко, как прежде, выводить буквы на велене. Конечно, он еще и теперь заработал бы себе на пропитание этим ремеслом, обучая ему ребятишек в своей нише под статуей богоматери на задней алтарной стене храма Благовещения, потому что был человеком разумным и сведущим. Но на беду свою он признал однажды у мэтра Жаке Кокдуйля шесть ливров десять су, и, хотя затем, в разные сроки, выплатил ему целых восемьдесят лавров два су, за ним все еще значился долг в те же шесть ливров десять су по подсчету заимодавца, каковой подсчет судья признали правильным, ибо Жаке Кокдуйль был весьма искусен в обращении с цифрами. Поэтому в субботу, 5 марта, в день святого Феофила, писцовое заведение Флорана Гильома, находящееся за церковью Благовещения, было продано с молотка в пользу Жако Кокдуйля, и бедный писец остался без крова. Однако заботами Жана Мань, церковного звонаря, и попечением божьей матери, молитвы к которой он столько раз переписывал, Флоран Гильом находил себе по ночам пристанище на самом верху храмовой колокольни.

Писцу и кружевнице жилось горько и трудно. Маргарите удавалось кое-как перебиваться лишь благодаря случаю, потому что она уже утратила красоту, а плести кружева было ей не по вкусу. Они, как могли, поддерживали друг друга, за что горожане открыто порицали их, хотя христианам подобало бы скорее воздать им за это хвалу.

Флоран Гильом был человек ученый. До мельчайших подробностей зная историю чудес Черной богоматери Пюисской и весь обряд великого отпущения грехов, он вознамерился стать проводником богомольцев, надеясь, что среди них найдется хоть одна сердобольная душа и он своими рассказами сумеет заработать себе на ужин. Но первые же паломники, которым он предложил свои услуги, грубо отказались от них, потому что его рваная одежда говорила не в пользу разумности и учености ее обладателя, и Флоран Гильом, усталый и опечаленный, вернулся на прежнее, пригретое солнцем место у стены епископского подворья, где стояла его подруга Маргарита.

– Им кажется, – горько сказал он, – что я недостаточно учен и потому не сумею перечислить им все святыни и рассказать о чудесах нашей богоматери. Уж не думают ли они, что мой разум ушел через дыры в одежде?

– Да нет, – возразила Маргарита, – разум-то остался, а вот тепло все как есть ушло. Я совсем закоченела. Верно говорят, что обо всех нас, и мужчинах и женщинах, судят по платью. Нарядись я как госпожа графиня Клермонская, я б и сейчас еще любезникам приглянулась.

Тем временем перед ними по всей улице двигались паломники, отчаянно проталкиваясь к святилищу, где они собирались получить отпущение всех своих грехов.

– Они там сейчас передают друг друга, – заметила кружевница Маргарита. – Вот так же двадцать два года тому назад на паперти у Благовещения задохлось до смерти двести человек, упокой, господи, их души! Хорошее это было время: я тогда совсем молодая была.

– Что верно, то верно! В тот год, о котором ты говоришь, двести паломников выжали друг из друга дух и ушли из этого мира в иной. А на другой день о них уже позабыли.

Разговаривая таким образом, Флоран Гильом высмотрел в толпе толстого богомольца, который не столь ревностно, как остальные, пробивался вперед за отпущением грехов и в смущении медлил, боязливо озираясь по сторонам. Флоран Гильом протиснулся к нему и почтительно поклонился.

– Мессир, – начал он, – сразу видно, что вы человек разумный и

бывалый, ибо вы не спешите за отпущением, как вон те бараны на бойню. Ведь этой скотине до того не терпится, что задние тычутся мордой в хвост передним. А вот вы поступаете осмотрительно. Позвольте мне быть вашим проводником, и вы об этом де пожалеете.

Однако паломник, оказавшийся дворянином из Лиможа, ответил на тамошнем наречии, что он обойдется без такого дрянного оборванца и сам доберется до церкви, где ему отпустят все его прегрешения. С этими словами он двинулся было дальше, но Флоран Гильом бросился ему в ноги и, вцепившись себе в волосы, завопил:

– Стойте, стойте, мессир! Господом нашим и всеми святыми заклинаю вас: не идите дальше! Иначе вы погибли – а вы не из тех, на чью смерть смотришь без слез и без жалости. Еще два шага – и вы пропали! Ведь наверху страшная давка. Уже целых шестьсот паломников отдали богу душу, и это еще только начало. Разве не знаете вы, мессир, что двадцать два года назад, в лето тысяча четыреста седьмое, в такой же день и час, на этой самой паперти было до смерти задавлено девять тысяч шестьсот тридцать восемь человек, не считая женщин и малых детей? Мессир, если вас постигнет такая же участь, я буду безутешен: вы ведь такой человек, что, как вас увидишь, так и полюбишь, да еще сразу захочешь услужить вам во что бы то ни стало.

Изумленный лиможец остановился и, видя, как человек, выкрикивающий эти слова, рвет на себе волосы, побледнел и в страхе повернул назад. Но Флоран Гильом, не вставая с колен, ухватил его за полу и продолжал:

– Не ходите этой дорогой, мессир! Только не этой! На ней вы можете повстречать Жаке Кокдуйля и тогда сразу превратитесь в камень. Лучше вам василиска встретить, чем Жаке Кокдуйля! Знаете, что вам надо сделать, если вы в самом деле человек благоразумный и осторожный, каким кажетесь с виду, и если вы хотите долгой жизни и спасения души? А вот послушайте. Я бакалавр. Сегодня по воем улицам и перекресткам будут носить наши святыни. Вам будет ниспослано великое облегчение, если вы коснетесь ковчежцев, где заключены сердоликовая чаша, из коей пил Иисус во младенчестве, сосуд из Каны Галилейской^[1], скатерть, покрывавшая стол на тайной вечере, и крайняя плоть Христова. Доверьтесь мне, и пойдем подождем выноса святынь где-нибудь в тепле, ну хоть в одной знакомой мне таверне, мимо которой непременно пройдет процессия.

И он прибавил проникновенным голосом, крепко держа лиможца за полу и указывая на кружевницу:

– Мессир, дайте шесть су этой достойной женщине. Пусть сходит и

купит нам вина, – она знает тут одно хорошее местечко.

Лиможский дворянин, человек простодушный, дал себя увести, и Флоран Гильом поужинал добрым куском гусятины, косточки же унес с собой для госпожи Изабо, проживавшей вместе с ним под самыми стропилами колокольни. Изабо была сорока, и принадлежала она Жану Мань, звонарю.

Вернувшись ночью, он нашел ее на обычном месте – на балке, где она всегда спала возле небольшой щели в стене, служившей ей кладовой, куда она прятала орехи, зернышки плодов, миндаль и буковые желуди. Услышав его шаги, она проснулась и захлопала крыльями, а Флоран Гильом ласково поздоровался с нею и произнес такое учтивое приветствие:

– О сорока, богомолка-стрекотунья, госпожа затворница, белобокая черница, поднебесная схимница, аббатиса колокольная, церковная жительница, птаха монастырская, радуйся!

И, подав ей гусиные косточки, опрятно завернутые в капустный лист, прибавил:

– Госпожа, дозвоьте предложить вам обьедки доброго ужина, которым накормил меня некий лиможский дворянин. Правда, все лиможцы – репеды, но этого я все же убедил, что анисский гусь лучше лиможской репы.

Все следующие дни до самого воскресенья Флорану Гильому не попадались больше ни его лиможец, ни другие щедрые богомольцы при деньгах, и он постился *a solis ortu usque ad occasum*^[2]. Кружевнице Маргарите пришлось поневоле следовать его примеру. И это было очень кстати, потому что шла страстная неделя.

II

Так вот, в день святой пасхи именитый горожанин Жаке Кокдуйль стоял у себя дома возле окна и сквозь щель между ставнями смотрел на бесчисленных паломников, поднимавшихся по крутой улице. Они шли умиротворенные полученным отпущением, и вид их преисполнял Кокдуйля все большим благоговением перед Черной богородицею. Ибо он считал, что раз к ней стекается такое множество почитателей, значит она весьма могущественна. Он же был стар и мог уповать только на милосердие божие. К тому же он все чаще сомневался в спасении души своей, ибо помнил, что ему нередко случалось безжалостно пускать по миру вдов и сирот. А совсем недавно он отнял у Флорана Гильома его писцовое заведение, что под статуей пречистой девы.

Жаке Кокдуйль ссужал деньгами под заклад и за хорошие проценты. Это, однако, не означало, что он считал себя ростовщиком, ибо он был христианин, деньги же в рост, как известно, дают только евреи, да еще, пожалуй, ломбардцы и кагорцы. А Жаке Кокдуйль приращивал свое достояние совсем иначе, чем евреи. Он, к примеру, не говорил, подобно Иакову, Ефрему и Манассии:^[3] «Я ссужу вас деньгами», но заявлял: «Я вложу деньги в вашу торговлю и дело», а это большая разница. Ибо ростовщичество и ссуды под проценты церковью запрещены, торговля же дозволена и узаконена. И все-таки при мысли о том, что он вверг множество христиан в нищету и отчаяние, Жаке Кокдуйль испытывал угрызения совести, особенно когда подумывал, что час суда божьего над ним уже близок.

И вот на святую пасху Кокдуйлю пришло в голову заручиться ко дню Страшного суда заступничеством пресвятой девы. Он решил, что она охотнее будет предстательствовать за него в судилище ее божественного сына, если он, Жаке, сделает ей хорошее подношение. С этим он направился к большому сундуку, где хранил свое золото, и, удостоверившись, что дверь в комнату крепко заперта, поднял крышку. Сундук был набит деньгами. Там лежали анжелоты, флорины, эстерлины, нобли, золотые кроны, салюдоры, экую с выбитым на них солнцем и разные другие христианские и сарацинские монеты. Вздыхая, Кокдуйль вытащил оттуда двенадцать золотых денье добротной чеканки и положил их на стол, уставленный и заваленный весами, напильниками, ножницами, разновесками и счетными книгами. Заперев сундук на три оборота ключа,

он вернулся к столу, пересчитал свои денье один раз, затем второй раз и, глядя на них долгим и любовным взглядом, обратился к ним с такими ласковыми, учтивыми, приятными, вежливыми и любезными словами, что речь его походила скорее на небесную музыку, чем на человеческий язык.

– О мои овечки, – вздыхал жалостливый старец, – о мои дорогие ягнятки, мои прекрасные златорунные барашки!

И, беря их кончиками пальцев и столь почтительно, как если б то было тело господне, он положил монеты на весы и убедился, что они полного или почти полного веса, хотя их уже немного пообрезали^[4] ломбардцы и евреи, через руки которых они прошли.

После этого он заговорил с ними еще нежнее прежнего:

– О милые барашки, мои сладкие ягняточки! Давайте-ка я вас чуточку постригу. Тихонько, тихонько, вам совсем не будет больно.

И, схватив большие ножницы, он осторожно принялся обрезать со всех сторон эти денье, как обычно поступал со всеми монетами, прежде чем расстаться с ними. Затем он бережно смел стружки в деревянную чашку, уже до половины наполненную крупичами золота. Он честно решил поднести двенадцать золотых ягнят пресвятой деве, но и на сей раз не смог отступить от своего обыкновения. Покончив с этим делом, он достал из шкафа, куда прятал заклады, голубой, шитый серебром кошелек, который не выкупила у него вовремя одна убогая, впавшая в нужду женщина. Он знал, что голубое с белым – цвета божьей матери.

Ни в этот день, ни на другой он больше ничего не предпринял. Однако в ночь с понедельника на вторник у него начались корчи, и ему приснилось, будто черти волокут его за ноги. Он истолковал этот сон как предостережение, которое ему посылают господь и пречистая дева, и, раздумывая об этом, целый день просидел дома, а когда стало смеркаться, отнес свое приношение Черной богоматери.

III

В тот же вторник, поздно вечером, Флоран Гильом, горько задумавшись, возвращался в свое открытое ветрам пристанище. Весь день он пропостился, хоть и не по своей воле, ибо полагал, что пост на святой неделе не к лицу доброму христианину. Перед тем как подняться на колокольню и лечь спать, он хотел усердно помолиться присноблаженной деве Пюисской. Она все еще находилась посреди церкви, на том самом месте, где была выставлена в великую пятницу, чтобы верующие могли ей поклониться. Маленькая и черная, в венце из драгоценных камней, в покрове, сверкающем золотом, самоцветами и жемчугом, она держала на коленях младенца, тоже совсем черного, головка которого выглядывала из-под ее покрова. Эту чудотворную статую Людовик Святой^[5] получил в дар от султана египетского и самолично привез в Анисскую церковь.

Богомольцы уже разошлись. В храме было пусто и темно. У ног Черной богоматери, на столе, озаренном свечами, грудой лежали последние приношения верующих. Там были голова, сердца, руки, ноги, женские груди из серебра, золотая ладья, яйца, хлебы, орильякские сыры, а в деревянной чаше, полной денье, су и грошей, поблескивал серебряным шитьем маленький голубой кошелек. Подле стола в большом покойном кресле дремал священник – хранитель всех этих даяний.

Флоран Гильом преклонил колена перед святым изображением и в мыслях своих усердно вознес такую молитву:

«Владычица наша, если правда, что святой пророк Иеремия, узрев тебя духовными очами еще до того, как ты была зачата, вырезал из кедра, по подобию твоему, сие святое изображение, пред коим я стою на коленях; если правда, что потом царь Птолемей, прознав о чудесах, творимых твоим святым изображением, отнял его у священников иудейских, увез в Египет и, украсив самоцветами, поставил в храме рядом с идолами; если правда, что Навуходоносор, победитель египтян, в свой черед завладел им и скрыл его в своей сокровищнице, где его и нашли сарацины, когда взяли Вавилон; если правда, что султан возлюбил его превыше всего своего достояния и поклонялся ему по меньшей мере раз в день; если правда, что султан этот никогда бы не отдал его нашему святому королю Людовику, не сумей жена султана, родом сарацинка, чтившая, однако, рыцарскую доблесть, уговорить своего супруга подарить сие изображение лучшему и доблестнейшему из всех христианских рыцарей; наконец, если правда, – а я

в это верю всем сердцем, – что сие изображение чудотворно, – то повели ему, владычица, сотворить еще одно чудо ради бедного писца, который не единожды переписывал хвалу тебе на велень требников. Он освятил свои грешные руки, когда, отменным почерком и раскрашивая киноварью заглавные буквы, выводил на утешение страждущим „Пятнадцать радостей девы Марии“ на родном французском языке и в стихах. Такое занятие угодно богу! Памятуя об этом, отпусти мне мои прегрешения, владычица! Ниспошли мне пропитание, отчего мне будет благо, а тебе – великая слава, ибо всякий, кто опытен в делах мирских, сочтет это немалым чудом. Нынче тебе поднесли золото, яйца, сыры и голубой кошелек с серебряным шитьем. Я не завидую этим дарам, ибо ты, владычица, достойна их и много больших. Я не прошу тебя даже вернуть мне то, чего лишил меня вор Жаке Кокдуйль, один из самых именитых людей в твоём городе Пюи. Нет! Я молю тебя лишь об одном: не дай мне погибнуть голодной смертью. И если ты даруешь мне эту милость, я напишу пространную и прекрасную историю твоего изображения, стоящего здесь во храме».

Так молился Флоран Гильом. Легкому дыханию молящегося отвечало лишь глубокое и мирное похрапывание хранителя приношений. Бедный писец поднялся с колен, бесшумно пересек неф, ибо стал настолько легок, что даже поступь у него теперь была неслышная, и, по-прежнему, натоцкак, начал взбираться по лестнице, которая насчитывала столько же ступенек, сколько в году дней.

В эту минуту госпожа Изабо шмыгнула сквозь дверную решетку и вошла в храм. Днем ее прогнали оттуда шумные богомольцы, ибо она любила тишину и безлюдье. Она осторожно двинулась вперед, медленно, одну за другой, переставляя лапки, потом остановилась, вытянула шею, опасливо оглянулась по сторонам и вдруг, не без изящества потряхивая хвостом, вприпрыжку приблизилась к Черной богоматери и замерла на месте, не спуская глаз со спящего стража. Она прислушалась, всматриваясь в темноту затихшей церкви, потом сильно взмахнула крыльями и вскочила на стол с приношениями.

IV

На колокольне Флоран Гильом лег спать. Там было холодно. Ветер задувал под карнизы, прикрывавшие стенные проемы, и, к немалой радости сов и кошек, извлекал из колоколов звуки, подобные нестройному пению органа и флейт.

Но у этого жилища были и другие изъяны. После землетрясения 1427 года, расшатавшего всю церковь, каменный шпиль колокольни стал понемногу осыпаться и грозил обрушиться при первой же непогоде. Пречистая дева, несомненно, допустила такое бедствие в наказание за грехи людские. Тем не менее Флоран Гильом уснул. И это доказывает, что совесть у него была чиста. Воспоминаний о виденном им во сне почти не сохранилось, кроме разве одного: ему приснилось, что некая жена совершеннейшей красоты целует его. Но, пожелав вернуть поцелуй и протянув к ней губы, он тут же проглотил двух или трех мокриц, ползавших по его лицу. Их легкое прикосновение и принял за поцелуй его погруженный в дремоту разум. Писец проснулся, услышал над собой хлопанье крыльев и решил, что над ним летает бес; этому не следует удивляться, ибо полчища бесов слетаются мучить людей именно ночью. Но как раз в эту минуту месяц выглянул из-за туч, и Флоран Гильом узнал госпожу Изабо, которая, держа в клюве голубой, шитый серебром кошелек, опускала его в щель стены, служившую ей кладовой. Писец не шелохнулся: но когда сорока покинула свой тайник, Флоран влез на балку, схватил кошелек, открыл его и увидел там двенадцать золотых барашков, которые он засунул за пояс, вознося благодарственную молитву Черной деве Пюисской, ибо, как человек ученый и начитанный в Писании, он никогда не забывал, что господь повелел ворону питать пророка Илию. Из этого он заключил, что пресвятая мать божья тоже посылает через посредство сороки двенадцать денье своему писцу Флорану Гильому.

На другой день Флоран и кружевница Маргарита пообедали целой миской потрохов, о которых они мечтали уже много лет.

На этом кончается повесть о чуде, сотворенном сорокой. Пусть тот, кто ее рассказал, проживет жизнь в согласии со своими желаниями, в добром мире и счастья, а те, кто ее прочтет, удостоятся всех и всяческих благ.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

[Другие книги серии «Рассказы Жака Турнеброша»](#)

notes

Примечания

1

...сосуд из Каны Галилейской. – По евангельской легенде, Иисус Христос, присутствовавший на свадебном пиршестве в Кане Галилейской, превратил налитую в сосуд воду в вино.

2

От восхода солнца до заката (лат.).

Иаков, Ефрем, Манассия. – В одном эпизоде библии рассказывается, что иудейский патриарх Иаков, благословляя перед смертью своих внуков Ефрема и Манассию, предоставил право первородства Ефрему.

...хотя их уже немного пообрезали... – В средние века купцы и ростовщики нередко обрезали или спиливали по краям золотые монеты (что уменьшало их ценность) и незаконно присваивали полученные крупы золота.

Людовик Святой – французский король Людовик IX (1226 – 1270); в 1248 г . отправился в крестовый поход в Египет и попал в плен. Откупившись, он еще четыре года оставался в Сирии, дожидаясь новой партии крестоносцев.